

Ах, как хочется на исходе восьмидесятих оглянуться и окинуть горделивым взором уходящее театральное десятилетие! Чтобы теснили друг дружку в стройном и красивом ряду покоренные в эти годы вершины. Чтобы глазам стало больно от сияния новых светил и целых созвездий на ленинградском небосклоне. Счастливо зажмуриться: вот оно, десятилетие театральных лавров...

А теперь — на землю. На грешную, ленинградскую. В нашу театральную повседневность. Где вместо «неба в алмазах» — отраженный свет не сегодня вспыхнувших звезд, поистершийся блеск позавчерашних завоеваний. Где все реже спектакли-взлеты, но все чаще — ситуации тупика в актерских судьбах.

Всмотримся же в общую картину нашей сцены нанануне девяностых через конкретные судьбы антеров. Кто, как не артист, несет на себе отпечаток пути искусства в целом? Чей еще талант столь прочно увязан с тысячью факторов и обстоятельств — в наши дни чаще роковых, чем счастливых? Каждый поворот — лишь одна из множества вариаций на печально известную тему: не востребованность таланта. Ситуация нынче, увы, типичная... Потому и разговор наш — не про обласканных «звезд», а о тех, кого миновало волшебное стечение счастливых обстоятельств. Одни терпеливо ждут встречи с «тем самым» режиссером, «той самой» ролью. Другие умудряются внутри чуть живого, выморочного спектакля дышать глубоко и свободно. А кто-то вовсе выйдет из игры, навязываясь ему извне, и вот вам — человек-театр: единственной целью лица! И, повинная неистребимой антерской природе, каждый ищет на сцене одного — очищения и спасения в театральной игре. Ваш выход, артист!..

ЧЕЛОВЕК-ТЕАТР

Корр.: — Как вы оцениваете свою творческую судьбу за последнее десятилетие?

Сергей ДРЕЙДЕН: — Я начал работать по-своему. «Немая сцена» — спектакль, в котором Сергей Дрейден один играет всех героев го-голевского «Ревизора» (режиссер Варвара Шабалина), сделался настоящей легендой прошлого театрального сезона.

Когда-то он рискнул уйти из театра, остаться вне стабильной труппы. И создал островком подлинного искусства. Единственный выход? Для него, видимо, да. И еще, наверное, ощущение собственного дара, стремление найти ему достойное приложение. Обо

в другое. Вот и путаница. И бессмыслица всяческих игр. «Ревизор» Сергея Дрейдена.

Лицо меняется ежесекундно, у каждого героя своя физиономия. За спектакль их набирается тысяча. Кажется, сцена переполнена. Не злодеи — нелюди. Но на сцене он один — Актер.

Иметь смелость — пойти на то, чтобы преподавать азбуку актерской (человеческой) раскрепощенности. Кроме искренности, нужна мудрость. Редчайшим сочетанием обладает Сергей Дрейден. Поэтому на его спектакль ходят по нескольку раз, как на чудо.

Каждый следующий спектакль не похож на предыду-

всем этом можно размышлять после того, как уже есть результат — его уникальный спектакль.

«Ревизора» ставили по-разному. И я привыкла видеть на сцене: такая трактовка — другая трактовка... Дрейден показывает иное. Нет утверждений — есть направление мысли.

Он появляется перед залом. Прищуривается и рассматривает лица сидящих. Иногда глядит хитро. Иногда может по нескольку раз изобразить одну и ту же сцену, как бы примериваясь, пока не найдет нужной ноты. Ощущение: душевные гримаски своих героев актер отыскивает и в тех, кто пришел на спектакль именно в сегодняшний вечер. От настроения зала зависит то, что он скажет в следующий момент. «Ревизор» Сергея Дрейдена — совершенная актерская импровизация.

Но ничто из играемого не случайно. Потому что появляется из вслушивания актёра в себя самого. Дрейден делает видимым процесс вхождения в роль. Главный герой спектакля — он, артист, который пытается понять — почувствовать каждого и всерьез. И у него это получается! Поэтому его изображение подчас так пронзительно верно.

Хлестаков — ничтожество? Да. Его в прямом смысле не разглядеть, и Городничий присаживается на корточки, чтобы поприветствовать. Не верит глазам своим, но продолжает заискивать.

Анна Андреевна в его исполнении взревет: «Ненавижу!» — ей возразили по поводу платья. Такая раздавит любого (пусть и дочь).

Какие-то очень внимательные глаза у актёра, когда он только выходит на сцену. Ни одного мгновения за весь спектакль не будет больше такого взгляда. Чем угодно наделены его герои — только не умом и не спокойствием. В царстве глупости правит суэта. Люди давно уже не люди, а нечто скукоженное до одной функции. Люди — карты, живут — играют. Их можно перетасовать, задать новые правила игры (что с успехом и делает артист). Здесь легко спутать человека-карту, принять шестерку за туза, сыграть в ту игру, где она бьет и королей и дам. А потом вдруг окажется: все думали, что играют в одно, оказалось —

в один вечер Дрейден превратил уездный город в провинциальный балаган, а всех героев — в актерскую братию. «Неважно, что у нас отвратительные больницы и глупые учителя в школах. Мы — артисты, и мы сыграем то, что нужно. Погладь колпаки, Земляника... Зрители пришли», — говорит режиссер — Городничий. И это будет жизнь — театр.

Иногда во внутреннем голосе актёра преобладает ирония (не сарказм!). И вот на другом спектакле (весной, когда кипели страсти предвыборной кампании) Хлестаков врал уже про то, как его просили: «Возглавь нас! Неважно, что предвыборной программы нет, все равно возглавь!».

Актер позволяет себе играть и со зрителями, смеясь над ненужной доверчивостью даже к нему самому: «Я обладаю такой заразной силой. Вот сейчас я еще ничего не делаю, а воздействие идет». В первый момент думалось, что говорит он про себя, но и это был Хлестаков.

Решиться на самые рискованные намеки сегодня может каждый. У Дрейдена «Ревизор» не служит злобе дня. Наоборот — наша сегодняшняя глупость только ярче подвечивает гооголевское провидение. Не о политике речь, не об экстрасенсах — все это преходяще. Вечна лишь безропотная доверчивость к тому, кто объявит себя... ну, допустим, ревизором.

Какая игра произойдет на следующем спектакле? Наверное, та, которой мы все заболеем в очередной раз. Нет конца-края ничтожеству человеческого. «Скучно жить на этом свете...». Не предрекает — предполагает.

Самому сыграть за всех, кто вокруг. От недоверия? От разочарования? От гордости? Подобными вопросами можно задаваться, только когда артист не так безусловно талантлив. Когда же он создает удивляющий своей раскованностью театр, то думается уже о другом. Как ему это удаётся?

Талантливый артист ушел из театра. Это — драма. Он сам, в одиночку, создал чудный ироничный театр. Это — счастье. А вместе — драматичная счастливая судьба.

Вл. ЛИПСКАЯ

На снимке: С. Дрейден. Фото Л. КУДИНОВОЙ